

занимали мысли о бытии бога. На эти мысли его навел один эпизод. ««Mpir-S

Сразу же после чтения «Бригадира» наследнику Павлу Фонвизину «вседневно зван был обедать и читать» к разным знатным особам. Одни звали из любопытства, другие — из желания увидеть в Фонвизине единомышленника или просто обрести умного, понимающего собеседника. К числу последних относится и один граф***. «Сей граф был человек знатный по чинам, почитаемый умным человеком, по погрязший в сладострастии. Он был уже старых лет и все позволял себе, потому что ничему не верил. Сей старый грешник отвергал даже бытие высшего существа. Я поехал к нему с князем, надеясь найти в нем по крайней мере рассуждающего человека, но поведение его иное мне показало. Ему вздумалось за обедом открыть свой образ мыслей, или, лучше сказать, свое безбожие. .. Рассуждения его были софистические и безумие явное, но со всем тем поколебали душу мою». ³² Уезжая по делам службы в Царское село (еще раз напоминая, что все это происходило в июле того же года, когда состоялось чтение «Бригадира» Екатерине и Павлу), Фонвизин берет с собой русскую, французскую и немецкую библии, «чтоб было из чего почерпнуть правила веры». Тогда же и состоялась беседа Фонвизина с Г. Н. Тепловым в царском саду на темы, занимавшие Фонвизина. Теплов посоветовал Фонвизину прочесть сочинения Кларка, который логически доказывал истину бытия божьего. Прочтя, Фонвизин пожелал перевести их, но Теплов сказал, что это был бы напрасный труд. «„Намерение ваше похвально, но вы не знаете, с какими неприятностями сопряжено исполнение оно“, — возразил он и привел в пример сочинение Поповского „Опыт о человеке“, дополненное и исправленное „поповскими стихами“. „Но неужели, — спросил я, — Синод делать будет мне нарочно затруднения в намерении толь невинном?“ — „Да разве вы не знаете, кто в Синоде обер-прокурор?“ — „Не знаю“. — „Так знайте ж — Петр Петрович Чебышев.“ — сказал Григорий Николаевич». ³³

Таким образом, имя Чебышева, ровным счетом ничего не значившее в жизни Фонвизина, упоминается мимоходом, но не просто так, а в связи с одним из значительных периодов в жизни, которому сам Фонвизин придавал намеренно-подчеркнутое значение в «Чистосердечном признании».

Обосновав таким образом достоверность этих показаний «Чистосердечного признания», мы вправе считать их еще одним доказательством в пользу 1769 г. как времени написания «Бригадира».

У нас накопилось уже достаточно данных, чтобы за время создания «Бригадира» принять 1769 г. Однако наряду с фактами, подкрепляющими предположение о 1769 г., имеются факты,

³² Фонвизин Д. И. Собр. соч., т. 2, с. 100.

³³ Там же, с. 105.